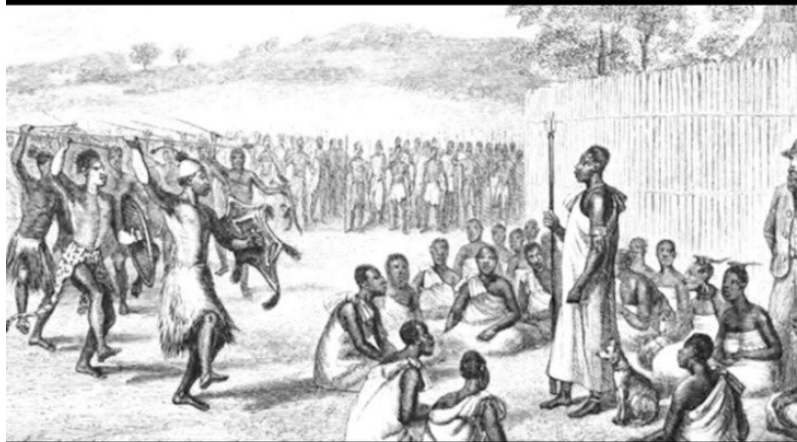

18+

Джон Хеннинг Спик

**ЖУРНАЛ
ЭКСПЕДИЦИИ,
ОТКРЫВШЕЙ
ИСТОК НИЛА**

Том III

Джон Хеннинг Спик
Журнал экспедиции,
открывшей исток Нила. Том III

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73312758

ISBN 9785006926059

Аннотация

Третий том книги посвящен описанию визита британских исследователей Спика и Гранта в африканское «королевство» Уганда, возглавляемое тираном Мутесой

Содержание

ГЛАВА XI. Королевский дворец в Уганде	7
ГЛАВА XII. Уганда, дворец. Продолжение	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Журнал экспедиции, открывшей исток Нила Том III

Джон Хеннинг Спик

Переводчик Анатолий Павлович Смирнов

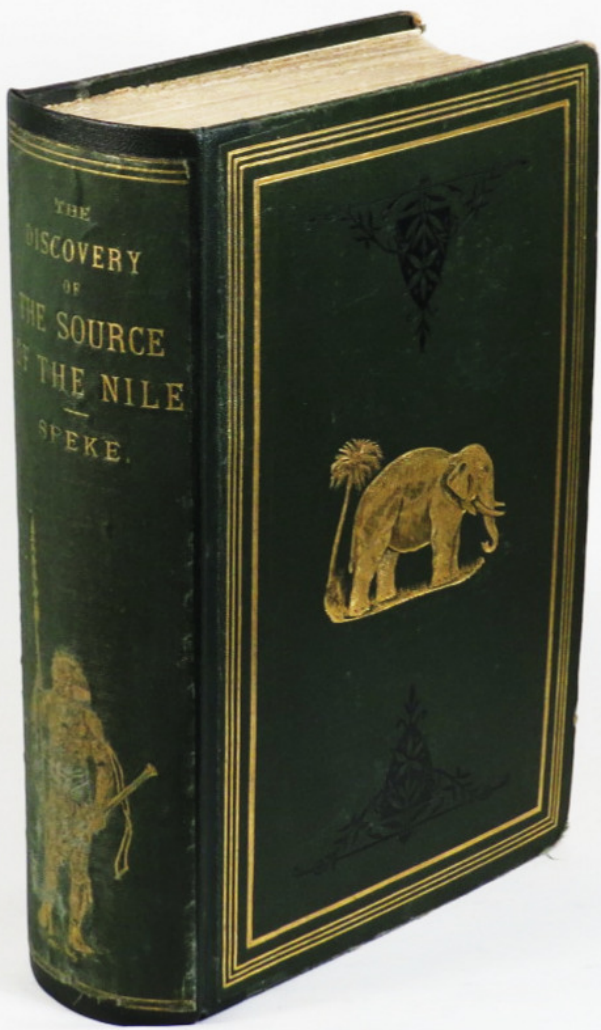
© Джон Хеннинг Спик, 2026

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-2605-9 (т. 3)

ISBN 978-5-0068-7561-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

THE
DISCOVERY
OF
THE SOURCE
OF THE NILE
—
SPEKE.

P. D. C. P.

JOURNAL
OF
THE DISCOVERY
OF
THE SOURCE OF THE NILE.

BY
JOHN HANNING SPEKE,

CAPTAIN H. M. INDIAN ARMY,

FELLOW AND GOLD MEDALIST OF THE ROYAL GEOGRAPHICAL SOCIETY, BOMBAY, MEMBER AND
GOLD MEDALIST OF THE FRENCH GEOGRAPHICAL SOCIETY, ETC.

With Maps and Portraits, and Numerous Illustrations,

CHIEFLY FROM DRAWINGS BY CAPTAIN GRANT.

2418
NEW YORK:

HARPER & BROTHERS, PUBLISHERS,
FRANKLIN SQUARE.

1868.

ГЛАВА XI. Королевский дворец в Уганде

Сегодня король прислал своих пажей, чтобы объявить о своем намерении организовать праздник в мою честь. Я готовился к своей первой презентации при дворе, одетый в свои лучшие наряды, хотя в них я выглядел хуже, чем модники-ваганда. На них были аккуратные плащи из коры, напоминающие хорошую желтую вельветовую ткань, как будто обработанную крахмалом, а поверх них, как плащи, были накинuty лоскутные одеяла из мелких шкурок антилопы, которые, как я наблюдал, были сшиты мастером, не уступавшим в искусстве английским перчаточникам. На головах у были тюрбаны, украшенные отполированными клыками кабанов, подвесками-палочками, семенами, бисером или раковинами. На шеях, руках и лодыжках они носили другие украшения из дерева или маленькие рога, набитые «волшебным порошком», обычно покрытые змеиной кожей.

Ньямгунду и Маула в качестве своей официальной привилегии потребовали предварительного обследования подарков, и, получив отказ, они попытались убедить меня в том, что предметы для дарения должны быть покрыты тканью, так как считалось неприличным предлагать что-либо его величеству в открытом виде. После небольшого перерыва

статьи, перечисленные ниже * были переданы во дворец во время торжественной процессии, выстроившейся таким образом: я, с Ньямгунду, Маулой и пажами по бокам, флаг «Юнион Джек», который нес проводник-кирангози, за ним – двенадцать человек в качестве почетного караула, одетых в красные фланелевые плащи, несущих мушкеты с примкнутыми штыками; в то время, как их шествие замыкали остальные мои люди, каждый из которых нес какой-то предмет в подарок.

** Один большой жестяной ящик, 4 отреза дорогой шелковой ткани, 1 винтовка Уитворта, 1 позолоченный хронометр, 1 револьвер, 3 нарезных карабина, 3 штыка к мушкетам, 1 ящик патронов, 1 ящик пуль для мушкетов, 1 ящик капсюлей, 1 телескоп, 1 железный стул, 10 связок лучшего бисера, 1 набор столовых ножей, ложек и вилок.*

На пути ко дворцу восхищенные «придворные», удивленные таким необычным представлением, кричали от восторга. Некоторые прижимали обе руки ко рту, а другие сжимая головы руками: «Ирунги! Ирунги!» что можно перевести как «Прекрасно! Прекрасно!» Я думал, что все происходит так, как мне хотелось; но прежде чем войти в королевский крааль, я обнаружил, к моему неприятному удивлению, что людям с «хонго» или подношениями от Сувароры, состоящими из более чем ста мотков проволоки, было приказано возгла-

вить процессию и идти впереди меня.

В этом шествии было нечто особенно оскорбительное; ибо эти самые медные провода я сам предназначал для Мутесы, но они были отняты у меня Суваророй еще в Усуи. Это не могло остаться без протеста, однако, мои протесты никак не повлияли на сопровождающих вакунгу («чиновников» низкого ранга). Я шел, задыхаясь от гнева, по широкой дороге в расчищенный квадрат, который отделяет владения Мутесы на юге от владений его «камравионы» или «главнокомандующего» на севере, а затем повернул во «дворец».

Винтовка Уитворта

Это строение удивило меня своими необычными разме-

рами и аккуратностью, в которой он поддерживался. Вершина и склоны холма, на котором мы стояли, были покрыты гигантскими травяными хижинами, покрытыми соломой так же аккуратно, как и многие головы англичан, подстриженные лондонскими парикмахерами. Эти хижины были огорожены со всех сторон высокими желтыми снопами из обычной угандийской тигровой травы; в то время, как внутри ограждения, линии хижин были объединены или разделены на дворы стенами из той же травы. Именно здесь содержится большинство из трех или четырех сотен женщин Мутесы, а остальные, в основном, живут вместе с его матерью, известной под титулом «ньямасор», или вдовствующей королевой. Эти женщины стояли небольшими группами у дверей, смотрели на нас и, очевидно, передавали свои собственные замечания и отпускали шутки о триумфальном шествии. Когда мы проходили через каждые ворота, дежурные «офицеры» открывали и закрывали их для нас, звеня большими колоколами, которые висели на дверях, как в европейских магазинах для сигнализации о вошедшем покупателе.

Мы миновали первый двор, и я был еще более удивлен, столкнувшись с необычными церемониями, которые ожидали меня. Там «придворные» высокого ранга вышли вперед, чтобы поприветствовать меня, облаченные в очень опрятные одежды. Мужчины, женщины, быки, собаки и козы – всех их вели на поводках; петухов и кур на руках несли мужчи-

ны, а маленькие пажи с веревочными тюрбанами, носились вокруг, передавая сообщения, как будто их жизни зависели от их быстроты. Каждый из пажей плотно обтягивал плащ вокруг себя, чтобы случайно не показать свои голые ноги.

Мы пришли во «двор приемов», где меня могли бы разместить в одной из хижин, в которой музыканты пели и играли на больших девятиструнных арфах, таких как нубийская тамбира. Однако встречающие начальники посчитали нужным обращаться с нами как с арабскими купцами, и попросили меня посидеть на земле под солнцем со своими слугами. Я решил никогда не сидеть на земле, как это делали местные жители и арабы, и не демонстрировать мое почтение каким-либо иным способом, чем это принято в Англии, хотя арабы говорили мне об этом, утверждая, что они всегда соблюдали «этикет» этого двора. Я чувствовал, что, если я не отстою свою социальную позицию сразу, ко мне будут относиться с презрением в течение оставшейся части моего визита, и, таким образом, я потеряю то уважение, на которое я рассчитывал, позиционируя себя скорее принцем, чем торговцем, чтобы завоевать расположение «короля». Чтобы избежать волнения в своей процессии, поскольку мои слуги начали тревожиться, когда я возражал против того, чтобы поступать так, как мне было предложено, я дал «церемониймейстерам» пять минут на то, чтобы они оказали мне должный прием, сказав, что если ничего не изменится, я повернусь и уйду.

Ничего, однако, не изменилось. Мои люди, зная меня, боялись, поскольку не могли предвидеть, что сделает «дикий король», если я выполню свою угрозу. В то же время ваганды, изумленные тем, что казалось им чуть ли не богохульством, стояли застыв на месте. Дело закончилось тем, что я повернулся и пошел домой, приказав Бомбею оставить подарки на земле и следовать за мной.

Воин народа ваганда

Хотя говорили, что «король» недосягаем, за исключением случаев, когда он решает присутствовать на суде – церемо-

нии, которая редко случается, – информация о моем гневе и поспешном уходе достигла его в одно мгновение. Кажется, он сначала подумал о том, чтобы покинуть свою туалетную комнату, чтобы последовать за мной, но, обнаружив, что я быстро шел и ушел далеко, он передумал и послал нескольких «вакунгу» бежать за мной. Бедные существа! Они схватили меня, упали на колени и умоляли, чтобы я сразу же вернулся, потому что король так и не попробует еду, пока не увидит меня. Я был расстроен их трогательными просьбами, но, поскольку я не понимал всего, что они сказали, я просто пошел дальше.

По прибытии, в мою хижину вошли Бомбей и другие чернокожие, мокрые от пота, заявив, что король услышал обо всех моих обидах. «Хонго» Сувароры было удалено из двора, и, если бы я этого пожелал, я мог бы принести свой стул со мной, чтобы не сидеть на земле, потому что король очень хотел продемонстрировать мне свое большое уважение, хотя такое положение было исключительной прерогативой короля: никто другой в Уганде не смел сесть на сиденье, напоминающее стула.

Я защитил свое достоинство, поэтому угостил себя чашкой кофе и трубкой, радуясь своей победе, особенно над Суваророй. После возвращения ко второму ряду хижин, из которого я недавно вышел, все туземцы, казалось, находились в замешательстве и растерянности, не зная, что делать после столь беспрецедентной демонстрации независимости со сто-

роны гостя. Услужливые «чиновники» самым вежливым образом просили меня сесть на мой железный стул, который я принес с собой, а другие поспешили объявить о моем прибытии. Несколько минут я провел в напряжении, когда группа музыкантов, носивших на спине длинношерстные шкуры козла, проходила мимо меня, танцуя и играя на тростниковых дудках.

Мутеса, король Уганды

«Герольды» возвестили, что «могущественный король» воссел на своем троне в государственной хижине третьего яруса. Я двинулся вперед, держа шляпу в руке, с моим почетным караулом, за которым следовали носильщики, несущие

подарки. Я не пошел прямо к королю, как будто хотел пожать ему руку, но остановился за пределами трех сторон квадрата, образованного сидящими на корточках «вакунгу». Все они носили шкуры, в основном коровьи; некоторые из них, кроме того, имели вокруг пояса шкуры леопардовых кошек (сервалов) – признак королевской крови.

Здесь мне хотелось остановиться и сесть на ярком солнцепеке; поэтому я надел шляпу, раскрыл зонтик – явление, которое заставило всех удивиться и рассмеяться, приказал своему караулу сомкнуть ряды за моей спиной и сел, глядя на новое для меня зрелище!

Король, красивый, хорошо сложенный молодой человек лет двадцати пяти, сидел на красном одеяле, расстеленном на квадратной платформе, покрытой тигровой травой. Он был тщательно обернут в новую «мбугу» (ткань из коры). Волосы на его голове были коротко подстрижены, за исключением верха, где они были зачесаны в высокий гребень, проходящий от макушки до затылка, как петушиный гребень. На его шее был очень аккуратное украшение – большое кольцо из красиво обработанных маленьких бусин, образующих изящные узоры разных цветов. На одной руке было другое украшение из бисера, красиво выполненное; а на другой – деревянный брелок, привязанный веревкой, покрытой змеиной кожей. На каждом пальце у него были чередующиеся медные и латунные кольца; а выше лодыжек, на полпути до икры, «чулок» из очень красивых бус. Все украшения бы-

ли легкими, аккуратными и элегантными в своем роде. В качестве носового платка он держал сложенный кусок «мбугу» и кусок вышитого золотом шелка, который постоянно использовал, чтобы прикрыть свой большой рот, когда смеялся, или вытереть губы после глотка вина из бананов.

Надо сказать, что «король» делал частые и большие глотки из аккуратных маленьких тыквенных чашек, которые наполняли его «дамы», бывшие одновременно его сестрами и женами. Рядом с ним находились белый пес, копье, щит и женщина – олицетворение «государственных символов» Уганды, а также выстроился ряд придворных «чиновников», с которыми он поддерживал оживленную беседу. С другой стороны находилась группа «вичези» или женщин-колдуний, как я уже писал.

Теперь меня попросили подойти ближе к квадрату сидящих «вакунгу», где на земле валялись шкуры леопарда и большой медный гонг, увенчанный медными колокольчиками на изогнутых проводах, а также два меньших по размеру барабана, покрытые раковинами каури и цветными шариками, сложенными в узоры. Теперь я намеревался начать разговор, но не знал языка, и никто рядом со мной не осмеливался говорить или даже поднимать голову от страха быть обвиненным в наблюдении за женщинами «короля».

Так что, «король» и я сидели, уставившись друг на друга целый час. Я молчал, но он тыкал в нас пальцем и обсуждал с приближенными внешний вид моей «гвардии», потребо-

вал, чтобы я приподнял и показал ему свою шляпу, закрыл и открыл зонт. Затем от попросил моих «гвардейцев» повернуться и похвастаться своими красными плащами – таких чудес в Уганде никогда не видели.

Затем, обнаружив, что день проходит к концу, он отправил ко мне Маулу спросить, лицезрел ли я «его величество»; и, получив мой ответ: «Да, в течение целого часа», Маула передал его Мутесе. Я был рад, когда увидел, что король поднялся с копьём в руке, повел на поводке свою собаку и бесцеремонно ушел через брешь в ограждении в четвертый ряд хижин; поскольку это был «день чистой воды», никаких сделок между нами не совершалось.

Походка «короля» должна бы быть очень величественной, но мне не удалось передать впечатление от увиденного шествия. Это была традиционная поступь представителей его расы, основанная на подражании неторопливой походке льва; но внешне эта имитация шагов благородного зверя, показалась мне настолько нелепой, что я спросил Бомбея, все ли в порядке с ногами короля.

Мне пришлось ждать некоторое время – передышка, которую я расценил по отношению к себе, почти как акт человечности. Затем мне сообщили «государственную тайну», что король удалился, чтобы прервать свой пост и съесть пищу в первый раз с момента моего прибытия; но мне предстояло пережить второе действие, которое король приготовил, чтобы показать свое великолепие. Меня опять пригласили

во «дворец» со всеми моими людьми, за исключением двух моих проводников. Войдя, как и прежде, я обнаружил, что Мутеса стоит на красном одеяле, прислонившись к столбу, поддерживающему крышу хижины, разговаривая и смеясь, с носовым платком в руке, среди сотни или более своих восхищенных жен, которые все сидели на корточках, в два ряда. Все они носили «мбугу».

Мои люди не осмеливались ни подняться, ни взглянуть на женщин, но, наклонившись, с опущенными головами и глазами, прижались ко мне. Хотя во время предыдущей аудиенции такая робость за ними не наблюдалась. Вероятно, с ними «поработали» мои недоброжелатели при дворе. Сам я, в непонятном смятении и смущении отдавал громкие и нетерпеливые приказы своей страже, упрекая их за то, что они двигались, как испуганные гуси, и, держа шляпу в руке, стоял, глядя на представительниц прекрасного пола, пока не получил приказ сесть и надеть шляпу.

Мутеса, наконец, спросил, какие сообщения были доставлены ему от Руманики, на что Маула, обрадованный соизволением говорить с членами королевской семьи, ответил, что Руманика получил сведения об англичанах, идущих вверх по Нилу к Гани и Киди. Король признал правдивость этой истории, сказав, что сам слышал то же самое. И Маула, как это принято в Уганде, с энтузиазмом поблагодарил своего господина за возможность говорить, стоя на коленях, все время выбрасывая вперед руки повторяя: «ньянзиг», «ньян-

зиг», «аи ньянзиг мкахма ванги» и т. д. и т. п.

Когда, думая, что он уже достаточно покричал, Маула плюхнулся на живот, и, барахтаясь, как рыба на суше, повторял снова и снова одни и те же слова и пачкая лицо землей; ибо «их величества» в Уганде никогда не удовлетворяются, если подданные не унижаются перед ними, как самые отвратительные черви. Эта аудиенция закончилась после того, как Мутеса еще раз внимательно осмотрел меня и поболтал со своими женщинами в течение длительного времени. Второе действие завершилось.

Третья аудиенция прошла более легко, поскольку проводилась в конце дня. Мутеса просто перевел свой гарем в другую хижину, где после того, как он уселся на трон, окружив себя женщинами, он пригласил меня подойти ближе (однако, соблюдая пределы приличия) и сесть, как прежде. Снова он спросил меня, «видел ли я его» – очевидно, желая потворствовать своей царственной гордости. Я максимально использовал предоставленную мне возможность говорить, чтобы рассказать ему о тех сведениях, которые я ранее слышал о нем, которые побудили меня пройти весь путь, чтобы увидеть его, и о трудностях, которые мне пришлось преодолеть, чтобы лицезреть объект моего желания. В то же время, сняв с пальца золотое кольцо, я подарил его королю, сказав: «Это маленький знак дружбы; если ты внимательно осмотришь его, то увидишь, что кольцо сделано по образцу ошейника для собаки (символа Уганды), и, будучи королем

металлов, золото во всех отношениях соответствует твоей прославленной династии».

В ответ он сказал: «Если дружба – это твое желание, я бы показал тебе дорогу, по которой вы могли бы добраться до вашего дома через месяц».

Теперь мне нужно было сказать ответную фразу Бомбею, затем Насибу, моему переводчику из Киганды, а они должны передать Мауле или Ньямгунду, прежде чем фраза будет доставлена королю, поскольку считалось недопустимым передавать любое сообщение «его величеству» напрямую. Исключением были только несколько приближенных «чиновников», которым позволялось непосредственное общение с королем. Следовательно, я не смог получить ответ, поскольку все ваганды слишком быстро тараторили о чем-то своем, каждая «ступень» передачи моих слов искажала смысл сказанного мной, а король, вероятно, забыл, что предложил помочь нам.

Он поспешно изменил разговор и спросил:

«Какое у тебя оружие? Позволь мне увидеть оружие, из которого ты стреляешь».

Сначала я хотел еще раз ответить на первое предложение короля показать нам легкую дорогу, так как он полагал, посетив его, я выполнил основную задачу своей экспедиции и теперь захочу вернуться назад прямым маршрутом к Занзибару через Масаиленд. Я хотел безотлагательно начать разговор о Петерике и Гранте; но никто не осмелился перевести

Мутесе мои вопросы, так как в Уганде мало кто решается просить о чем-либо короля.

Я был этим очень разочарован, а затем сказал:

«Я принес лучшее в мире стрелковое оружие – винтовку Уитворта – которую прошу принять от меня с несколькими другими мелочами».

С разрешения Мутесы я положил подарки на ковер к его ногам, как это принято в Азии при посещении «настоящих» султанов. Король отослал всех своих женщин и затем осматривал одну вещь за другой после того, как Насиб, в соответствии с принятым обычаем оградить «монарха» от вредного колдовства, гладил вещи своими грязными руками, тер их о свое потное лицо, и только после этого вручал их королю, чтобы показать, что в них нет яда или порчи. Мутеса, казалось, был совершенно восхищен различными чудесами, когда вертел их в руках, бормотал над ними и делал глупые замечания, как малый ребенок, пока не стало совсем темно. Затем зажгли факелы, а пистолеты, ружья, порох, ящики, инструменты, бусы – короче, всю коллекцию – бросили в одну кучу, обмотали тканью из коры и поручили пажам унести.

Теперь Мутеса сказал:

«Уже поздно, и пора расставаться; какую провизию ты бы хотел иметь?»

Я ответил:

«Всего понемногу, но определенно пока сказать не готов».

«Ты хотел бы видеть меня завтра?»

«Да, каждый день».

«Ты не сможешь увидеть меня завтра, потому что у меня есть дела; но, если хочешь, приходи послезавтра. Теперь ты можешь уйти, и вот тебе шесть горшков вина. Мои люди будут искать для тебя еду завтра».

21-го февраля. Утром, когда шел дождь, пришли несколько пажей, которые привели двадцать коров и десять коз, с вежливым посланием от их «короля» о том, что я ему очень понравился, и он надеялся, что я приму этих нескольких «цыплят», пока он не может прислать больше. Маула и Ньямгунду, окрыленные своим успехом в том, что они привели желанного гостя в Уганду, не прекращали изливать на меня льстивые пожелания здоровья и счастья.

Дождь считался при дворе хорошим предзнаменованием, и все говорили, что король был «на небесах» от восторга. Желая поговорить с ним о Петерике и Гранте, я сразу же отправил одного из «вакунгу» поблагодарить Мутесу за подарок и извиниться за мою грубость во время первого посещения «дворца», одновременно попросив для меня раннюю аудиенцию у «его величества».

Но чересчур сложные придворные формальности, которые эти африканские «короли» считают обязательными, как и восточные правители, не позволили моему посланнику добраться до короля. Я слышал, однако, что Мутеса провел день, пересчитывая «хонго» Сувароры из проволоки, и что «чиновник», который принес эту проволоку, был вынужден

сидеть в пустом дворе, в то время как король сидел за ширмой, не удосуживаясь показать свою величественную личность. Мне также сказали, что Мутеса потребовал выяснить, как Суварора завладел моими проводами, которые с самого начала были предназначены для короля Уганды. Суварора, должно быть, отнял у меня их; и именно из-за такого поведения алчного феодала к Мутесе, никогда не приходили белые гости.

Посланник Сувароры ответил, что его господин не проявлял к белым людям никакого уважения потому, что они являются злыми волшебниками, которые не спят в домах по ночам, а взлетают на вершины холмов и занимаются колдовством самого отвратительного вида. Король ответил:

«Это ложь; я не вижу никакого вреда в этом белом человеке, и, если бы он был злым волшебником, Руманика не отправил бы его ко мне».

Ночью, когда я лежал в постели, король отправил ко мне пажей, чтобы сказать: если я желаю его дружбы, мне следует прислать ему еще один мушкет, в дополнение к пяти, что я уже подарил ему. Король намеревался продолжить наши отношения на следующее утро. Я послал ему три мушкета, чувствуя, что такие траты не останутся без должного ответного вознаграждения.

22-го февраля. Сегодня король продемонстрировал своим подданным подаренные мной «прекрасные вещи» – «явное доказательство того, что он очень нравится всемогущим

духам», поскольку ни его отец, ни кто-либо из его предков не имели таких «знаков признания свыше своего права и необходимости нахождения на престоле Уганды». Таким образом, мои подарки были использованы для еще большего возвеличивания короля.

23-го февраля. В полдень Мутеса прислал своих пажей, чтобы пригласить меня в свой «дворец». Я пошел со своим почетным караулом и моим табуретом, но обнаружил, что мне пришлось провести в ожидании приема три часа в обществе «главнокомандующего» и других высокопоставленных «чиновников», прежде чем король был готов увидеть меня. В течение этого времени менестрели-васоги, играющие на разных туземных инструментах, не давали нам покоя. Ко мне подошел юный паж с большим пучком травы и сказал:

«Король надеется, что ты не будешь обижен, если тебе придется сесть на траву перед ним, потому что никто в Уганде, какой бы высокий пост он ни занимал, не может сидеть на чем-либо, поднятом над землей, и никто, кроме него самого, не может сесть на такую траву, как эта. Из этой травы сделан его трон. В первый день он позволил тебе сесть на табуретку, только чтобы успокоить твой гнев».

Когда я согласился сделать это, меня вызвали, и я обнаружил, что придворные размещены так же, как и на собеседовании в первый день, только количество сидящих на корточках «вакунгу» намного уменьшилось; и король вместо того,

чтобы носить свои десять медных и латунных колец, носил одно мое золотое кольцо на своем большом пальце.

Этот день, однако, не удалось посвятить обсуждению наших проблем, хотя, помимо толпы «чиновников», здесь находились женщины, коровы, козы, птицы, корзины с рыбой, корзины с маленькими антилопами, дикобразами, и крысы неизвестного вида, пойманные королевскими «егерями», связки «мбугу» и т. д. и т. д. Все было готово для презентации; но, пошел дождь, поэтому король удалился, и мне ничего не оставалось, кроме как ходить под зонтиком, предаваясь гневным размышлениям о надменном короле за то, что он не пригласил меня в свою хижину.

Когда дождь прекратился, и нас снова вызвали, король был обнаружен сидящим в таком же положении, как и раньше, но на этот раз с головой черного быка, поставленной перед ним, один из рогов которой был отломан, а рядом по двору ходили четыре живые коровы.

Теперь меня попросили застрелить этих четырех коров; но не имея пуль для своего пистолета, я одолжил у короля подаренный ему револьвер и выстрелил во всех четырех за несколько секунд. Но так как последняя из четырех коров была только ранена, я послал в нее пятую пулю. За этим «замечательным подвигом» последовали громкие аплодисменты, и коровы были отданы моим людям. Теперь король своими руками зарядил один из карабинов, которые я ему подарил, и, взведя курок, отдал карабин пажу, повелев тому ему

выйти и застрелить какого-нибудь человека (!) во внешнем дворе. Через минуту маленький паж вернулся, чтобы объявить о «своем успехе», с таким радостным выражением лица, которое можно было видеть на лице европейского мальчика, который ограбил птичье гнездо, поймал форель или сделал какой-нибудь ловкий трюк.

Король спросил:

«Хорошо ли ты сделал это?»

«О, да, очень хорошо».

Паж, без сомнения, говорил правду, потому что не осмеливался шутить с королем. После чего, Мутеса потерял интерес к произошедшему. Я никогда так и не узнал, какого человека паж лишил жизни.

День прошел, зажглись факелы, и нам было приказано уйти, хотя я так и не смог произнести ни одного слова о Петерике и Гранте; потому что мои переводчики так боялись короля, что не смели открывать рты, пока им не было приказано Мутесой.

Король уже собирался уходить, когда, в большом страхе и тревоге, что и этот день будет для меня потерян, я сказал на языке кисуахили:

«Я хотел бы, чтобы ты отправил письмо с гонцом к Гранту, а также отправил за ним лодку вверх по Китангуле, до самого дворца Руманики, потому что Грант совершенно не может ходить».

Таким образом, я привлек внимание Мутесы, хотя он

не понял ни одного слова, произнесенного мной. В результате он дождался перевода и ответил, что письмо вряд ли дойдет до адресата, поскольку никто не поручится за безопасную доставку сообщения. Он послал бы за Грантом Ньямгунду, но полагал, что Руманика не согласится отправлять свои лодки вверх по Китангуле. Затем, отвернувшись от меня, Мутеса ушел, не проронив больше ни слова.

24-го февраля. Рано утром появились пажи, которые сообщили, что Мутеса желал, чтобы я отправил ему троих моих «гвардейцев» стрелять перед ним коров. Это было именно то, чего я хотел. Меня раздражало то, что личные встречи со мной настолько будоражили возбудимого короля, что не было возможности довести до него простые вопросы, касающиеся нужд экспедиции. Выделив семь человек во главе с Бомбеем, я проинструктировал его – прежде чем стрелять, следует сообщить королю, что у меня в Гани* есть лодка, полная товаров с двумя белыми людьми (имея в виду Петерика), которых я хотел бы позвать сюда, если Мутеса предоставит несколько проводников, чтобы сопровождать сюда этих моих людей. Далее, поскольку Грант не мог идти, я хотел, чтобы за ним послали лодки, по крайней мере, до переправы через Китангуле, куда Руманика, во всяком случае, довезет его на каноэ.

** Гани – область на северном берегу озера Альберт, где по предварительной договоренности, Петерик с лодками*

и дополнительным снабжением должен был ждать Спика, чтобы по воде доставить экспедицию в Гондокоро – самый южный форпост европейцев на Ниле, в южном Судане – А.С.

Сразу же по прибытии Мутеса принял моих людей и приказал им стрелять в нескольких коров; но Бомбей, повинуясь моим приказам сначала выступил с речью, сказав:

«Нет, прежде чем мы начнем стрелять, я должен подчиниться своему хозяину и доставить его сообщение».

Король, в спешке, взволнованный перспективами «охоты на коров», нетерпеливо сказал:

«Очень хорошо; я пошлю людей по воде или по суше через Киди,* так как хочет ваш хозяин; только некоторые из его людей должны пойти с моими. А теперь стреляйте в коров! Стреляйте в коров! Потому что я хочу видеть это».

Мои люди застрелили семь животных, и все они были подарены им, когда стрелки были отпущены из дворца.

** Никто из подданных Мутесы не отважился направляться к известной европейцам части Нила по более короткому пути через Уньоро, так как короли Уганды и Уньоро постоянно враждовали друг с другом – примечание автора*

Вечером появились пажи, которые спрашивали, не хочу ли я пострелять в коршунов во дворце с их королем. Я отказался стрелять во что-либо меньшее, чем в слон, носорог

или буйвол; и даже на этих животных я охотиться не намерен, если король не пойдет со мной. Это была уловка, которую я задумал, чтобы побыть с Мутесой вне «дворца», и, таким образом, прорваться через те церемониальные ограничения, которые препятствовали началу делового разговора.

25-е февраля. Король пригласил меня пострелять вместе с ним в буйволов рядом с «дворцом», но я отказался, заявив, что меня всегда обманывают и заставляют ждать в течение нескольких часов, прежде чем я получаю аудиенцию. Поскольку я не хотел в дальнейшем таких задержек во «дворце», я предложил, чтобы Бомбей пошел устроить надлежащие приготовления для моего приема завтра – как бы то ни было, в настоящее время я чувствовал себя нездоровым.

Пажи, принесшие мне приглашение, боялись гнева своего «монарха», если они вернутся с отказом, поэтому они на время отошли, чтобы посоветоваться. Но затем они послали ко мне еще одного парня, чтобы передать, что Мутесе было жаль слышать, что я плохо себя чувствую, но он надеялся, что я приду хотя бы на минуту, принеся ему мои лекарства, потому что он сам заболел.

Королевства Уньоро, Уганда и Усого в середине XIX века.
Озеро Альберт (голубая стрелка)

Я не сомневался в том, что это второе сообщение было ложью, придуманной пажами на ходу, потому что мальчишкам не хватило времени добежать до «дворца». Тем не менее, я упаковал свои лекарства и пошел, чтобы не подставлять под гнев тирана этих юных сочинителей наивных историй.

Как я и ожидал, по прибытии во «дворец» я обнаружил, что король не был готов принять меня, и через пажей мне было приказано сидеть с «чиновниками» в ожидании его появления. Я посчитал необходимым сразу впасть в ярость, обо-

звал пажей бандой лживых черных юнцов, повернулся и пошел прямо через внутренние дворы, намереваясь покинуть «дворец».

Все были встревожены; информация о моем уходе сразу достигла ушей короля, и он послал своего вакунгу, чтобы предотвратить мой выход из монаршей резиденции. Несколько «чиновников» пробежали мимо меня, когда я торопливо шел под зонтиком на выход из последнего двора, и закрыли передо мной ворота. Это было уже слишком, поэтому я остановился и, на каждом языке, который знал, поклялся, что если они немедленно не откроют ворота, я не покину живым место, на котором я стоял.

Объятые ужасом вакунгу упали на колени передо мной, крича, что им так приказали; и, чтобы не навредить им, я вернулся и подошел к королю, который, сидя на троне, при мне спросил «чиновников», как им удалось выманить меня обратно; на что все они трагически вздохнули:

«Ньянзигигинг (неизвестное мне слово). О, мы были так напуганы – он был так ужасен! Но он повернул назад сразу, как только мы открыли ворота».

«Как?! Какие ворота?! Расскажите мне все об этом!»

Король прикинулся, что не он приказал задержать меня подобным образом. И когда вся история была полностью рассказана, этот вопрос все чернокожие посчитали очень хорошей шуткой. Немного придя в себя, я спросил короля, что его беспокоило, потому что мне было жаль слышать, что он

болен; но вместо того, чтобы ответить, он покачал головой, говоря, что я задал очень «интимный» вопрос его величеству и приказал нескольким своим подданным отстрелять из мушкетов коров (забава, ставшая основной для дикаря, облеченного властью).

Вместо того, чтобы восхищаться этим кровавым представлением, которое в Уганде считается королевским спортом, я смотрел на происходящее с явным презрением, пока Мутеса, не разочаровавшись в моем равнодушии, не спросил, что в сундуке, который я принес. Когда ему сказали, что это лекарство, которое он хотел, король попросил меня подойти ближе и отослал своих придворных. Когда, кроме меня, в хижине остались только переводчики и один доверенный «чиновник», Мутеса захотел узнать, смогу ли я применить лекарство, не затрагивая больной орган (как выяснилось – волдырь).

Чтобы придать ему уверенности в моих хирургических навыках, я пошевелил пальцем и спросил, знает ли он, что заставляет его шевелиться (я имел в виду мускулы), на что он ответил отрицательно. Тогда я прочитал ему лекцию по анатомии, которая ему так понравилась, что он сразу же согласился на операцию. Вся операция вылилась в довольно нелепую церемонию; потому что волдырь после нанесения мази нужно было по очереди растирать руками и лицами Бомбея и Насиба, чтобы показать, что в «действиях доктора нет злого умысла».

Теперь я подумал, что настало время обсудить вопросы потребностей моей экспедиции. Проблемы, однако, были решены очень просто: как только я рассказал ему о своих планах как можно быстрее встретиться с Петериком и Грантом, Мутеса сказал, что желает их прихода (в ожидании новых подарков) даже больше, чем моего, он пообещал все устроить завтра.

26-е февраля. Утром, как было решено, я навестил короля и обнаружил, что волдырь «назрел»; поэтому я выпустил гной, который Бомбей назвал «болезнью», и этим очень восхитил короля. Затем была подана корзина фруктов, которые мы съели вместе, проведя беседу о Гранте и Петерике, и которая завершилась тем, что король пообещал послать «чиновника» по воде в Китангуле, а другого – с двумя моими людьми через Усого и Киди в Гани. Но так как мои люди должны были замаскироваться под местных жителей, я попросил короля послать мне четыре «мбугу» и два копыя. Мутеса со щедростью великого короля послал мне двадцать листов «мбугу», четыре копыя и корзину высушенной на солнце рыбы.

27-е февраля. Наконец, что-то было сделано. Один «чиновник» из Уганды и один проводник из Киди были отправлены в мою хижину королем. Как было согласовано вчера, я из своих людей отделил Мабруки и Билала, дал им письма на имя Петерика и дал «чиновникам» тюк товаров для бартера, чтобы они оплачивали свои расходы в пути. В то же

время дал им строгие указания следовать вдоль Нила. После этого, я навестил короля, чтобы договориться о Гранте и пожаловаться, что моя резиденция в Уганде была совсем убогой, так как моя хижина находилась в миле от «дворца», в нездоровом месте, где до этого «монарх» держал своих арабских посетителей. Я не считал себя незначительной персоной, которая может мириться с проживанием в хижине, предназначенной для слуг арабских торговцев слоновой костью. Поэтому я просил короля поменять мое место жительства на западную окраину «дворца», где его «чиновникам» будет не стыдно навещать меня.

Молчание было обычным приемом Мутесы, когда он не знал, что сказать, и сейчас он не ответил на мое обращение, но вместо этого он начал беседу о географии, а затем пожелал, чтобы я навестил его мать Ньямасоре в ее «дворце» Масорисори, потому что ей также требовалось лекарство. Кроме того, меня предупредили, что в будущем придворный этикет Уганды требует, чтобы я навещал короля два дня подряд, а каждый третий день наносил визит его матери – вдовствующей королеве.

До сих пор из-за строгих законов страны я не мог встречаться ни с кем, кроме самого короля. Я не мог никому дарить подарки, и ни один человек, за исключением выделенных для связи со мной пажей не посещал меня; никому не было разрешено продавать мне продовольствие, так что моим людям приходилось кормить себя, забирая все, что

могли, из определенных садов, на которые указывали «чиновники», или захватывая помбе или бананы, которые они могли отнять у вагандов, несущих провизию ко «дворцу». Этот приказ был частью королевской политики, чтобы чужеземцы не тратили свои «ценности» на покупку еды у населения, а король мог постепенно обирать своих гостей, присваивая и то, что было отложено для обмена на продовольствие.

Навестив «королеву-мать», так как это был мой первый визит, я, помимо аптечки, подарил ей восемь медных и латунных мотков проволоки, тридцать голубых бусин, один пучок мелких бусин и шестнадцать локтей ситца. «Дворец», который предстояло посетить, находился в полумиле от королевского, но прямая дорога к нему была запрещена, так как считается невежливым проходить мимо ворот «королевского дворца», не входя в них. Поэтому, пройдя через сады и туземные трущобы, я обошел «дворец» Мутесы стороной.

Резиденция «вдовствующей королевы» выглядела как «королевский дворец» в миниатюре. Дворы и площадки были огорожены тигровой травой; а хижины, хотя и не такие многочисленные и не такие большие, были построены так же, как «королевские». Охранники также сторожили двери, на которых висели большие колокольчики, чтобы подать тревогу, а «чиновники» наблюдали за тронными залами. Все хижины были полны женщин, за исключением тех, которые предназначались для ожидания посетителей; а также тех, где хранились барабаны и другие музыкальные инструменты.

Войдя в первые ворота, я должен был сидеть в хижине ожидания, но это не заняло много времени, так как королева была готова принять меня, и, будучи более приветливой нравом, чем ее сын, она ввела в своей резиденции более легкие правила, чем жесткий этикет «королевского двора». Я вошел в тронную хижину со снятой шляпой, когда ворота этого двора передо мной были распахнуты. Держа зонт над головой, я двинулся прямо к ней, пока мне не приказали остановиться и сесть на охапку травы.

«Ее величество» – очень толстая негритянка, сорока пяти лет – сидела, одетая в «мбугу» (ткань из коры) на ковре, расстеленном по земле, ее локоть покоился на подушке из того же «мбугу». Единственное ее украшение – изящное ожерелье и кусочек «мбугу», обвязанный вокруг головы, в то время как рядом с ней стояло очень грязное и потемневшее складное зеркало. Железный прут, похожий на вертел, с чашкой наверху, заполненной «волшебным порошком» был помещен перед входом. В комнате также находились четыре колдуньи «мабандва» или «говорящие с дьяволом», фантастически одетые, и много других женщин.

Некоторое время мы сидели на расстоянии, обмениваясь вопросительными взглядами, потом женщины были удалены, и музыкальной группе было приказано выйти на сцену. Я также получил приказ приблизиться и сесть в хижине рядом с «королевой». Помбе, лучшее в Уганде пиво, была в изрядном количестве выпито ей еще до моего прихода, и этот ал-

коголь был предложен мне и всем высокопоставленным «чиновникам», в то время, как она выкурила трубку и велела мне курить мою.

Музыкантам, одетым в длинношерстные козыи шкуры, теперь было приказано показать свое искусство, что они и сделали. Они качались в ритм барабанов, как медведи на ярмарке. Затем они колотили в разные барабаны, и меня спросили, могу ли я различить их разные тона.

Королева, полная веселья, внезапно поднялась, оставив меня сидеть. Оказалось, что она пошла в другую хижину, чтобы сменить «мбугу» на европейскую ткань, а затем снова вернулась, чтобы мы могли полюбоваться ею.

Второй раз по ее распоряжению двор был очищен, и, когда осталось только три или четыре конфиденциальных «вакунгу», она взяла небольшой пучок тонких палочек и, выбрав три из них, сказала, что у нее три жалобы.

«Эта палка, – говорила она, – представляет мой желудок, который вызывает у меня сильное беспокойство, эта вторая палка – моя печень, которая вызывает стреляющие боли по всему телу, а эта третья – мое сердце, потому что ночью мне постоянно снятся сны о Сунне, моем покойном муже, и они неприятные».

Тяжелые сны и бессонница, как я ей рассказал, были обычной жалобой вдов, и ее могла излечить только она сама, решив выйти замуж во второй раз, но прежде, чем я смогу дать совет по поводу телесных жалоб, мне было необходи-

мо увидеть ее язык, пощупать ее пульс и, возможно, также осмотреть ее тело. Услышав это, «вакунгу» сказали:

«О, этого нельзя допустить без разрешения короля».

Но королева, вставая на ноги, выразила свое презрение по поводу этого замечания, и не имея ничего против идеи простого раздевания, приготовилась к осмотру.

Затем я достал таблетки, которые предварительно попробовали «вакунгу», чтобы проверить, что «доктор» не принес чертовщину. Я рекомендовал ей принимать эти таблетки по вечерам, ограничить себя в пище, пока я не навещу ее снова.

Моя политика давала результаты, потому что через нее я мог получить ключ к королю. А она имела большое влияние на «монарха». Позднее я был очень рад услышать, как она восхищается мной и выражает благодарность за лечение. Она действительно последовала моим советам и пошла на поправку. Ограничив себя в еде, она, однако, не нашла в себе силы уменьшить дозировки алкоголя, что вполне естественно в этой стране, которая пьет помбе ежедневно и в больших количествах. «Королева» сказала, что отказ от возлияний будет очень трудным воздержанием, и подобное испытание ей не по силам.

Вернемся к моему первому визиту к «вдовствующей королеве». Пройдя «медицинский осмотр», «ее величество» выразила готовность осмотреть подарки, которые я ей принес, и они были предъявлены ей Бомбеем и Насибой с обыч-

ными предварительными формальностями в виде поглаживания, чтобы гарантировать их чистоту от «злого волшебства». Чуть не прыгая от удовольствия, она показала все подарки своим «чиновникам», которые с величайшим восторгом заявили, что она действительно самая великая и любимая народом королева. Затем, сказав, что никто никогда не дарил ей таких сокровищ, она подарила мне взамен прекрасно сработанную курительную трубку – подарок, который был оценен всеми присутствующими, как оказанная мне величайшая честь.

Не удовлетворенная этим, она заставила меня выбрать предметов, называемых здесь «гунду» (кольца из волос хвоста жирафа, обмотанные тонкой железной или медной проволокой и носимые как ножные браслеты). Кроме того, мне вручили несколько горшков помбе, корову и пучок сушеной рыбы. Когда обмен подарками закончился, она умоляла меня показать ей мои книжки с картинками и была настолько удивлена ими, что приказала своим колдуньям и всем остальным женщинам снова просмотреть их вместе с ней. Затем началась теплая и приветливая беседа, которая завершилась проверкой моих колец и всего содержимого моих карманов, а также моих часов, которые она назвала «лубари» – термин, эквивалентный месту поклонения или самому объекту поклонения. Тем не менее она сказала, что я еще не удовлетворил ее, поэтому я должен вернуться снова через два дня, потому что я ей очень понравился. С этими словами

она встала и ушла, оставив меня с моими слугами, чтобы я унес «королевские» подарки домой.

28-е февраля. Все мои мысли были теперь заняты разработкой схемы, чтобы получить хижину во «дворце», не только для того, чтобы поддерживать свое достоинство, и таким образом получить влияние при «дворе», но и для того, чтобы я мог лучше понять нравы и обычаи этих странных людей. Для меня не было большой нагрузкой то, что король ежедневно пытается привлечь меня ко «двору», так как и его «чиновники» обязаны были делать это каждый день, чтобы у Мутесы всегда был полный двор посетителей.

Не подчинившись зову его пажей, я сегодня утром вместо себя послал Бомбея с несколькими своими чернокожими сказать, что, хотя я и хотел видеть короля каждый день, я не мог по пути так долго подвергать себя воздействию солнца. Во всех других странах я по праву получал жилище во дворце правителя, и если Мутеса не предоставит мне кров в пределах своей резиденции, я буду чувствовать себя ущемленным. Более того, я хотел бы иметь хижину в том же огражденном дворе, что и он, тогда я мог бы сидеть и разговаривать с ним постоянно и учить его тому, что я сам знал.

По словам Бомбея, король был сильно поражен разумностью моей скромной просьбы и ответил, что ему хотелось бы иметь «бвану» всегда рядом, но все его хижины были полны женщин, и поэтому мое пребывание в одном «ограждении» с гаремом неприемлемо. Однако, если бы у «бваны» хватило

терпения на некоторое время, в окрестностях «дворца» будет построена хижина, гораздо лучшая, чем ему предоставляли другие «короли».

Затем, сменив тему, осмотрев моих людей, он так сильно был очарован их маленькими красными фесками, что отослал своих пажей, чтобы попросить у меня образец такого головного убора. Получив требуемое, он с одобрением отметил, как быстро и щедро я выполнил его пожелание, а затем, обращаясь к Бомбею, хотел знать, какие ответные подарки будут мне больше всего нравиться. Бомбей, уже достаточно знавший интересовавшие меня вещи, сказал:

«О, „бвана“, будучи великим человеком в своей стране и не жаждущий выгоды в слоновой кости или рабах, будет принимать только такие вещи, как копье, щит или барабан, которые он может взять с собой в свою страну в качестве образца изделий, производимых в Уганде и для приятного воспоминания о его визите к королю».

«Ах, – сказал Мутеса, – если это все, чего он хочет, тогда я действительно удовлетворю его просьбу. Я дам ему два копья, которыми я завоевал всю эту страну, и, когда сражался ими, пронзил трех врагов одним ударом. Но я также слышал, что бвана хотел бы пойти со мной на охоту»

«О, да, он самый замечательный охотник – стреляет в слонов, буйволов и птиц на лету. Он хотел бы пойти на охоту и научить вас по пути метко стрелять из ружья».

Затем король, будучи в высшей степени в хорошем на-

строении, возвел в более высокий придворный ранг Ньямгунду и Маулу за то, что они привели к нему столь ценного гостя. Это так обрадовало обоих негров, что, как только они вернулись в мой лагерь, бросились к моим ногам и непрестанно скуля, рассказывая о своих тяжелых судьбах, просили у меня, как у «великого человека», несколько коров, чтобы они отвели их к королю в знак признательности за оказанную им услугу. Я сказал наглецам, что коровы получены от короля и не могут вернуться назад, поскольку белые люди не имеют привычки расставаться со своими подарками. Но так как я чувствовал, что их продвижение по службе стало подтверждением доброжелательности ко мне со стороны Мутесы, я дал каждому по мотку проволоки, чтобы сделать их «салам» повелителю достойным.

Этого было вполне достаточно; оба новоиспеченные «чиновника» напились и, колотя в барабаны, исполняли «серенаду» в моем лагере до наступления вечера, когда, к моему полному удивлению, пожилая женщина-маганда была доставлена в лагерь с просьбой «главнокомандующего» принять ее, чтобы «нести мою воду». К этому «подарку» прилагалось устное дополнение, что в случае, если я сочту ее недостаточно симпатичной, он надеется, что я без колебаний выберу понравившийся мне вариант из десяти других кандидатов «всех цветов», включая женщин народа вахума.

Не готовый к этому социальному дополнению в моем лагере, я должен признаться, что чувствовал себя в затруд-

нительном положении, прекрасно понимая, что ничто так не оскорбляет, как немедленный отказ от предложения, поэтому я оставил женщину на некоторое время, намереваясь утром отправить ее обратно с ниткой синих бус на шею. Но ночью она избавила меня от моих беспокойств, убежав, что, по словам Бомбея, было неудивительно, поскольку она, очевидно, была захвачена как часть конфискованного у кого-то имущества и, без сомнения, знала, где найти некоторых из своих друзей.

Сегодня, впервые с тех пор, как я был здесь, я получил несколько бананов. Это было следствием моей жалобы на то, что приказ короля моим людям кормиться за чужой счет фактически превращал их в стаю воров.

1-е марта. Я получил письмо от Гранта, датированное 10 февраля, в котором сообщалось о том, что 30 января Барака отправился в Уньоро, сопровождаемый людьми короля Камраси и с большим грузом подарков от Руманики в виде приветствия правителю Уньоро. Сам Грант надеялся покинуть Карагве до конца месяца.

Затем я отправил Бомбея навестить «вдовствующую королеву», осведомиться о ее здоровье, попросить для меня хижину во «дворцовых ограждениях». Она просила меня навестить ее на следующее утро.

Поступило замечательное сообщение о том, что король засыпал двойную порцию пороха в подаренную мной винтовку Уитворга, чтобы выстрелить в корову. Пуля прошла не толь-

ко через корову, но и через забор, затем через тело случайной женщины и, пройдя через другой (внешний) забор, улетила вдаль, никто так и не узнал, куда.

2-е марта. Утром, нанеся визит королеве, я получил выговор за то, что вчера не пришел сам, а послал к ней моих людей. Она сказала, что таблетки ей не помогли, и убедила меня дать ей еще один рецепт. Затем, отправив своего слугу за сумкой, полной «пьяных тыкв», она заставила меня выбрать шесть лучших и попросила подарить мои часы. С ними я, конечно, не мог расстаться; но воспользовался возможностью сказать ей, что мне не нравится моя резиденция, которая находилась далеко от «дворца» и была недостойно моего статуса «королевского гостя».

Моя речь была, примерно, следующей:

«Я пришел в Уганду, чтобы увидеть короля и королеву, потому что арабы говорили, что к ним всегда относились с большим уважением; но теперь я мог видеть, что эти арабы не знали, что означает истинное уважение. Будучи бедняками, они мечтали о корове или козе, которых им давали безвозмездно, и были довольны тем, что живут в любых лачугах. Но такие жилищные условия и отношение ко мне меня явно не устраивали. Я не мог ни часами сидеть на солнце в ожидании приема, ни жить в хижине бедняка».

Когда я встал, чтобы уйти на завтрак, она попросила меня остаться, но я отказался и ушел. Маула, которому всегда приказывали присутствовать при моих встречах с членами

«королевской семьи», был задержан королевой и допрошен, почему я не остался с ней дольше. Если я хотел еду или помбе, то в ее дворце их было много, и ее повара были самыми искусными в мире; она надеялась, что я вернусь к ней после завтрака.

3-го марта. Хотя я не мог получить удовлетворительной аудиенции у короля, Мутеса послал Ньямгунду, чтобы выяснить, почему я дал ему хорошее оружие и много красивых вещей, но не навестил его еще раз, чтобы объяснить, как пользоваться ими. Я передал через Ньямгунду, что я живу слишком далеко и хочу, чтобы мне предоставили жилье во «дворце». После этого я ушел, чтобы увидеть Ньямасоре («вдовствующую королеву»), взяв мои одеяла, подушку и несколько кастрюль, чтобы провести там день, и попытаться завоевать чувства королевы с помощью некоторого количества бус, которые, так любят ваганды.

Меня сразу приняли, и я обнаружил, что «ее величество» сидит на индийском ковре, одетая в красную льняную ткань с золотой каймой, а рядом с ней находилась коробка в форме дамской шкатулки, изящно украшенная мелким бисером. В помещении также присутствовали ее советники, а во дворе музыкальная группа из множества вакунгу младшего ранга, сидевших на корточках полукругом, завершала придворный штат на сегодня.

Маула от моего имени начал разговор, намекнув, что я обращался к Мутесе по вопросу о новом жилье, достаточ-

но близком к резиденциям обоих «величеств», чтобы посещать их постоянно. Она любезно ответила, что это очень разумная просьба, которая показывала мой здравый смысл, и она должна быть выполнена немедленно; но Мутеса всего лишь молодой, непостоянный человек, и, поскольку она имела влияние на все правительство страны, то сама осуществит мою просьбу. Мои подарки были приняты и одобрены, и королева, думая, что я, должно быть, голоден, потому что она сама хотела есть, попросила меня отдохнуть в другой хижине. Я подчинился, заказал завтрак и расстелил постельные принадлежности (взятые с собой, так как я намеревался провести здесь целый день). Но, так как в хижине было полно людей, я использовал в качестве ширмы занавес из ткани «мбугу».

Сообщение о моей «великолепной» кровати сразу долетело до «королевы», которая послала узнать, сколько одеял было у меня в распоряжении, и получит ли она, если попросит для себя одно. Она также хотела увидеть мои ложки, вилку и курительную трубку – английский «Meerschäum», украшенный серебром. Итак, после завтрака, так и не ложившись отдохнуть, я вернулся к ней, показал ей ложки и вилки и выкурил трубку, но сказал, что у меня не осталось одеял, кроме того, что покрывало мою кровать. Она выглядела очень радостной и здоровой, не сказала больше ни слова об одеяле, но заказала себе свою трубку, сидела, разговаривала, смеялась и курия вместе со мной.

Я сказал ей, что посетил все четыре части земного шара и видел всех людей разных цветов кожи, но удивлялся, откуда она взяла такую трубку, потому что она была похожа на турецкую, с очень длинным чубуком. Очень довольная моим удивлением, она сказала:

«Эту трубку принесли другие люди, такие как ты. Они приходят из Амары с другой стороны и угоняют скот».

«Галлы, или абиссинцы, высокие и красивые люди, как Руманика, – сказал я, – могли бы делать это, потому что они живут недалеко от Амары, но мы, белые люди, никогда не воруют скот».

Затем она сказала:

«Мы слышали, что тебе не нравится маршрут через Уньямвези, поэтому мы откроем для вас маршрут через Укори».

«Благодарю, ваше величество, – ответил я в образной речи, чтобы угодить ее ушам – Вы действительно правильно поняли мое желание. Мне не нравится маршрут через Уньямвези, где я потерял так много своего имущества в результате алчности местных вождей и королей. Ваганды не понимают моих намерений, но если они будут терпеливы в течение года или двух – откроется дорога через Укори и начнется торговля между нашими странами. Жители вашей страны увидят плоды моего посещения и будут отсчитывать следующие даты от дня, когда сюда прибыл первый мзунгу (белый человек), то есть я. Как одно зерно, прорас-

тая, приносит много новых зерен, так и мой приход сюда может принести большие богатства этой стране».

Все оценили эту речь криками:

«Белый человек говорит очень красиво! Красиво! Красиво! Красиво!»

И, приложив руки ко рту, они смотрели на меня, кивая своими головами с восхищенным одобрением.

Затем королева и ее «министры» погрузили свои лица в тыквы с помбе и стали веселиться, смеясь изо всех сил. Маленьких чашек из тыкв было недостаточно, чтобы поддержать восторженное настроение, поэтому перед королевой было поставлено большое деревянное корыто, наполненное алкоголем. Если она что-то проливала, «вакунгу» (чиновники) немедленно начинали сражаться за малейшую лужицу, протирая губами и носами землю или хватая ее пригоршнями и направляя в рот, чтобы ни один атом пролитой «королевской милости» не был потерян; потому что нужно обождать все, что исходит от «монархини».

Королева опустила голову в корыто и пила из нее, как свинья, за ней последовали ее министры. Затем музыкальная группа по приказу исполнила мелодию под названием «милеле», играя на дюжине тростниковых дудок, украшенных бусами и коровьими хвостами, на пяти барабанах разных тонов и размеров, задающих темп игры. Одновременно музыканты энергично танцевали во главе с четырьмя «дирижерами», которые тоже танцевали, но, повернувшись спиной

к компании, демонстрируя свои длинные косматые куртки из козьих шкур.

Это была веселая сцена, но вскоре она стала утомлять; когда Бомбей из лести и желая увидеть королевский гардероб, сказал ей:

«Любая женщина, пусть и некрасивая, выглядит хорошо, если она красиво одета».

При этом «ее величество» немедленно поднялась, удалилось в свою туалетную хижину и вскоре вернулось одетая в обычную клетчатую ткань и изящную тиару, ожерелье из бисера и со складным зеркалом. Когда она села, как и прежде, ей подали чашу из дутого стекла с почему-то плавающей в напитке пробкой и салфеткой из «мбугу», покрывающей верхнюю часть сосуда. Из-за ее снисходительного согласия облачиться в простое одеяние все, конечно, закричали от восторга.

Затем она приказала своим рабыням принести большое количество «самбо» (ножных браслетов) и попросила меня выбрать лучший, потому что я ей очень нравился. Напрасно я пытался от них отказаться: она подарила их более чем достаточно «на память», все же я должен был выбрать некоторые, иначе она бы обиделась. Затем она дала мне корзину табака и гнездо куриных яиц на завтрак.

Когда это закончилось, была заказана «мукондери», еще одна танцевальная мелодия с инструментами, похожими на кларнеты; но случилась неприятность, так как пошел про-

ливной дождь с сильным ветром, и он испортил музыку, хотя и не саму игру – ибо никто не осмелился остановиться без приказа, а королева вместо того, чтобы сжалиться, громко смеялась над неистовым воздействием природы на искусство, поскольку несчастные музыканты были почти опрокинуты ураганным натиском погоды.

Когда дождь прекратился, «ее величество» удалилась во второй раз в свою хижину и сменила свое платье на покрывало красноватого цвета. Тогда я, стыдясь того, что отнял у нее так много «самбо», спросил ее, разрешит ли она преподнести ей кусок английской шерстяной ткани, чтобы накрываться, вместо «мбугу» в холодные дни. Конечно, она не могла отказаться, и перед ней было разложено большое двойное алое одеяло. «О, чудо из чудес!» – воскликнули все зрители, одновременно поднеся обе руки ко ртам – такого «подарка» здесь еще не видели. Одеяло простиралось по всей хижине, было шире человеческого роста – действительно, это было «прекрасное чудо». А человек, который принес такое сокровище Удду, должен быть хорошим человеком.

«А почему вы говорите Удда, а не Уганда?» – спросил я.

«Потому что всю эту страну называют Удду. Уганда – это олицетворение Мутесы; никто не может сказать, что он видел Уганду, пока его не представили царю».

Я не совсем понял это объяснение.

Поскольку все чернокожие были в хорошем настроении,

я пожаловался, что давно не встречал достаточного количества простых вагандов. При «дворце» все одеты хорошо, и я не мог отличить «больших людей от маленьких». Разве она не может издать какой-либо приказ, по которому простые жители могли бы пригласить меня, чтобы я мог наблюдать и изучить их быт и обычаи? Если простые ваганды не осмеливаются делать это без позволения правителей, могу ли я, в свою очередь, навестить их?

Услышав это, «королева» представила меня своему «премьер-министру», «канцлеру казначейства», женщинам-колдуньям, палачам и поварам, как первым вельможам в этой стране, чтобы я мог узнать их снова, если бы встретил на дороге. Все усиленно благодарили ее за это великое снисхождение, и сказали, что они были в восторге от гостя королевы. На этом и завершилось мое знакомство с «простыми людьми» Уганды.

Затем, чернокожие принесли полоску обыкновенной ткани, чтобы сравнить ее с моим одеялом, и спросили, узнаю ли я эту ткань. Конечно, сказал я, она сделана в моей стране, только эта ткань более грубого качества. Тогда, вся подвыпившая компания, в один голос заверила, что всякая ткань белого человека им нравится, и моя одежда тоже. Но больше всего им нравлюсь я. Я скромно склонил голову и сказал, что их дружба была моим главным желанием.

Эта фраза также встретила радостное одобрение. Королева и ее советники становились все более шумными. Она на-

чала петь, и члены совета присоединились к ней. После этого все пели и все пили, пили и снова пели, пока во «дворце» не началось настоящее столпотворение. Королеве показалось, что было недостаточно шума, поэтому группа музыкантов и барабанщики были вызваны снова. Правители Уганды, как и средневековые европейские монархи, держали при себе шутов. Одного из них заставили петь грубым, хриплым, неестественным голосом. Если он срывался на человеческие тона, его заставляли выпить помбе, чтобы он и дальше мог демонстрировать свое дикое мастерство.

Теперь как будто дьявол завладел всей компанией, «премьер-министр» и все «придворные» вскочили на ноги, схватили палки (потому, что никто не может пронести копьё во «дворец»), закричали, что королева из-за меня потеряла свое сердце и, выбежав во двор, вернулись, бросились к ней, отступили и вернулись снова, как будто они собирались покончить с ней из-за того, что она полюбила меня. Но, оказалось, что таким образом они показывали повелительнице свою преданность и любовь. Королева приняла эту церемонию со спокойным равнодушием, но ее лицо показало, что ей это нравится.

Я очень устал сидеть на низком стуле и умолял ее позволить мне уйти, но «ньямасор» не хотела слышать об этом; она слишком сильно любила меня, чтобы отпустить меня в разгар праздника, и тут же приказала принести больше помбе. Та же самая сцена повторилась опять: чашки были

слишком малы, поэтому было использовано корыто; и «королева» снова встала на четвереньки и пила, как свинья, а потом передала корыто компании.

«Чиновники» пьют африканское пиво

Теперь, надеясь все-таки ускользнуть, я спросил, помогли ли ей мои лекарства. Если да, то я мог дать ей больше, чтобы укрепить ее здоровье. Она сказала, что пока не может ответить на этот вопрос, пока не ощущала результатов. Я сказал, что дам ей какое-нибудь другое укрепляющее лекарство: пока, однако, я уйду, так как день прошел, а расстояние до дома очень велико. Но мое сердце, все равно, осталось бы

здесь, потому что я очень любил ее.

Это объявление застало всех врасплох; они смотрели на меня, а затем на нее, смотрели снова и смеялись, когда я встал, помахал шляпой и сказал: «Куа хери, Биби» (прощай, мадам). Добравшись до дома, я обнаружил Марибу с группой мужчин, посланных Мутесой, чтобы доставить Гранта из Китангуле по воде. Они не взяли с собой ни одного из моих людей, чтобы забрать имущество из Карагве, поскольку, по их словам, Мутеса приказал им срочно найти транспортные средства. Я дал ему письмо к Гранту.

«Не беспокойся, – сказал Марибу, – я пойду к устью Катонги, отправлюсь на лодке к островам Сесе (*группа островов на озере Виктория*), где Мутеса хранит все свои большие лодки, и доберусь в Китангуле за очень короткое время».

4-е марта. Я отправил Бомбея с дозой хинина к королеве; но пажи короля, которые наблюдали, как он приближается к ее воротам, поспешили к нему и силой повернули его назад. Он искренне убеждал их, что я выпорю его, если он не выполнит мой приказ, но они заявили, что король приказал не пускать моих слуг к королеве. Затем они обманули доверчивого негра, сказав, что я изменил намерения и немедленно хочу увидеть короля, но не могу идти до возвращения Бомбея. Таким образом, бедный Бомбей бегом вернулся ко мне, обливаясь потом.

Как раз тогда еще один паж прибежал с приказом немед-

ленно привести меня во «дворец», потому что я не был там в течение уже четырех дней. Пока я готовился выразить должное негодование по поводу этого бесцеремонного послания, один дерзкий паж начал кататься, как свинья, на моем ковровом полу. Ковер на полу, невиданная вещь, вызвал такой восторг дикаря, что он не мог удержаться от подобной гимнастики (наподобие того, как лошади часто катаются по траве). Я встряхнул наглеца и пригрозил выгнать его, если он не будет вести себя более уважительно, потому что я не был торговцем, к каким он привык, и не выносил подобных выходок. Более того, не оставляю свою хижину по вызову короля или кого-либо еще, пока сам не решу это сделать.

Это выражение гнева привело пажей в чувство. Я сказал им, что чрезмерно зол на Мутесу за то, что он остановил моего посланника к королеве; никто никогда не осмеливался делать этого раньше, и я не прощу этого «королю», пока мои лекарства не будут переданы королеве. Что касается моего похода во дворец, то об этом не могло быть и речи, так как я неоднократно говорил «королю», что мне необходимо выделить подходящее жилище рядом с ним.

Чтобы мои слова были переданы Мутесе в полной мере и без искажений, я послал вместе с пажами Бомбея, чтобы он потом рассказал мне обо всем, что произошло; и, кроме того, сказать королю, что я чувствовал себя чрезвычайно расстроенным, что не могу постоянно навещать его, так как мне было стыдно за свое место проживания, а солнце было горя-

чим, и когда я ходил во дворец, его «чиновники» всегда заставляли меня ждать, как слугу. Последнее было действием, наносящим ущерб моей чести и достоинству.

Большинство людей короля, слонявшихся рядом с моей хижинкой, почувствовав интерес к развитию дальнейших событий, ушли вместе с пажами во «дворец». Остался только Маула, который сказал, что он должен остаться в лагере, чтобы присмотреть за «бваной».

Бомбей, как только прибыл во дворец и был увиден королем сразу был допрошен, почему он пришел.

«По указанию бваны, – был его ответ, – потому что бвана не может ходить на солнце; ни один белый человек высокого происхождения не может этого делать».

Услышав это, король раздраженно поднялся, и, не удосужившись ответить, ушел в свою хижину. Бомбей, сидя часами, ждал ответа, пока совсем не устал. Тогда он послал мальчика, чтобы сказать, что он еще не доставил половину моего сообщения; он принес лекарство для королевы, которое пажи должны отнести к ней, раз его самого туда не пустили, и он ждет ответа для «бваны».

Либо с надменным равнодушием, либо из-за уязвленной гордости, что он не мог командовать мной по своему усмотрению, король велел передать, если лекарство принесено для королевы, тогда пусть оно будет передано ей. Поэтому Бомбей ушел во «дворец» королевы. Прибыв туда, он просил доложить, что принес лекарство, и ждал без ответа до наступ-

ления темноты, когда, устав от своего ожидания, он отдал хинин в руки Ньямгунду для передачи повелительнице и вернулся домой. Вскоре, однако, пришел Ньямгунду, чтобы сказать, что королева не примет дозу сегодня, но надеялась, что я утром лично положу ей лекарство в рот.

Это досадное происшествие, было продиктовано крайней ревностью, потому что я, как они все думали, отдавал предпочтение королеве. Маула, будучи навеселе, привел с собой какого-то царедворца, представшего прямо передо мной вопреки всем законам – ведь ни один угандиец, кроме пажей короля, не смел даже войти за ограду моего лагеря. С хмурым, решительным лицом, похожим на собачью морду, он нагло вошел в мою хижину и, взяв со стола горсть трубочек для питья помбе (которые подарила мне королева), и путем многих странных жестыкуляций, намеревался намекнуть мне, что что-то противозаконное произошло между мной и королевой. Среди его требований было то, что теперь я никогда не должен пить помбе, кроме, как с помощью этих палочек (в чем была причина этого запрета, я так и не понял). Далее грязный парень взял одну из этих трубочек и стал показывать, как я должен пить помбе, опустив трубочку в горшок и начав высасывать его содержимое. Я выхватил из его пасти трубочку и выбросил ее.

Этот друг Маулы, который был явным шпионом, затем спросил меня, кто мне больше нравится – мать или сын. Не дожидаясь моего ответа, Маула поспешно сказал:

«Мать, конечно же, мать! Ему не нравится Мутеса, и он не пойдет к нему».

Друг пытался возражать:

«О нет, ему нравится Мутеса, и он тоже пойдет к нему, не так ли?»

Однако, я отказался отвечать из-за страха неправильно составить фразу, поскольку оба переводчика отсутствовали. Тем не менее, они продолжали разговаривать сами с собой, Маула клялся, что я больше всего люблю мать короля, а его друг убеждал, что я больше люблю ее сына. При этом оба внимательно следили за выражением моего лица. Наконец, они поняли, что не смогут поймать меня на случайно оброненной фразе, поэтому, оба устав от споров, ушли. Перед этим незваный грязный друг посоветовал мне в следующий раз, когда я пойду во «дворец», надеть платье араба, поскольку брюки неприличны, по мнению всех вагандов.

5-е марта. Встревоженный тем, что был вовлечен во что-то, похожее на придворные интриги, я позвал Ньямгунду и рассказал ему обо всем, что произошло вчера, как при двух «дворах», так и при посещении Маулы. Я просил Ньямгунду обратиться к королю, чтобы он назначил мне встречу в присутствии пяти старейшин, чтобы прийти к правильному пониманию ситуации. Но вместо того, чтобы поступать так, как я хотел, он ужасно испугался, позвал Маулу и сказал, что, если я настаиваю на разборе ситуации в присутствии короля, нескольким людям это будет стоить жизни. Тем време-

нем, хитрый черный страж Маула попросил у меня прощения, сказав, что я совершенно не понял его. Все, что он говорил, было подтверждением того, что мне очень повезло, так как я был в такой милости «при дворе», и что король и королева одинаково любили меня.

Теперь Ньямгунду получил приказ отправиться в Карагве по суше за знахарем Кьенго; но, боясь рассказать мне об этом, так как я был так добр к нему, он солгал, сказав, что пошел навестить свой дом на шесть дней, и попросил проволоку, чтобы пожертвовать ее духам. Я дал ему то, что он хотел, и он ушел. Затем я услышал, что его слуги получили приказ отправиться по суше к Гранту и Кьенго; поэтому я написал Гранту еще одну записку, в которой советовал ему привезти все имущество на лодке, оставив под присмотром Руманики то, что не сможет взять с собой.

В полдень прибежали надоедливые маленькие пажи, чтобы передать приказ короля собрать перед Мутесой всех моих людей во всеоружии, так как он хотел арестовать одного неугодного чиновника. Я ответил пажам, что должен сначала пойти и поговорить с королем на эту тему, приказав своим слугам ни в коем случае не выполнять чьи-либо приказы. Однако, я сказал Бомбею собрать всех и поторопиться, чтобы догнать меня по пути во «дворец». Пока я не торопясь шел к резиденции Мутесы, каждую минуту ожидая увидеть моих людей, отряд воинов племени вазинза, который также получил приказ схватить того же чиновника, прошел

мимо меня, направляясь к месту нападения, и в то же время я услышал, как мои люди стреляли в направлении, прямо противоположном «дворцу». Теперь я увидел, что меня обманули, и вернулся в свою хижину, чтобы выяснить обстоятельства случившегося.

Мальчишки-пажи обманули нас всех. Бомбей, обманутый их призывом отвезти его по короткому пути во «дворец», неожиданно обнаружил себя со всеми своими людьми напротив огороженных садов, которые нужно было штурмовать (поместье неугодного чиновника). Пажи, зная, как все чернокожие склонны к грабежам, закричали:

«Теперь к хижинам! Хватайте все, что можете, не щадите никого – ни мужчин, ни женщин, ни детей! Таков приказ короля!».

В одно мгновение мои люди окружили это место и открыли огонь, а затем бросились на окруженных. Один был пронзен копьем при попытке перелезть через забор, но остальные были взяты в плен и с триумфом доставлены в мой лагерь. Это было странное зрелище для резиденции английского джентльмена: мои люди, потные от возбуждения и от добычи, шатаясь под грузом мбугу (одежда из коры фигового дерева), с триумфом гнали к своим хижинам детей, женщин, коз и собак. Из всех моих людей один Бомбей, повиновался моим приказам, ничего не взяв в качестве трофея. Когда я ругал его за то, что он руководил нападением, он сказал, что не мог ничего с этим поделать – мальчишки обманули его

так же, как обманули меня.

Теперь было необходимо, чтобы я предпринял важный шаг в африканской дипломатии. Поэтому, приказав передать Мауле все захваченное имущество и пленников, я, пригрозив уволить любого из моих людей, осмелившихся удержать хоть одну вещь, закрыл дверь своей хижины, чтобы демонстративно отстраниться от своих мародеров в течение двух дней. Никто, кроме моего повара Ильмаса, даже Бомбей, не допускался ко мне. Мои люди должны были понять, что король заставил их согрешить и опозорить их красную одежду, чем нанес мне большое оскорбление. Мне было стыдно за моих чернокожих слуг.

Как только я затворился в хижине, прибежали другие пажи от короля, которые принесли винтовку Уитворта для чистки и потребовали допуск ко мне. Но никто не осмелился войти в хижину, и посланники вернулись ни с чем.

6-е марта. Я все еще продолжал свое демонстративное покаяние. Бомбей, по переданным мной через повара инструкциям, подготовился к визиту к королю, чтобы рассказать ему обо всем, что произошло вчера, а также выяснить, действительно ли приказы об отправке моих людей на грабительскую миссию исходили от него самого. В это время снова появились надоедливые пажи, принеся с собой пистолет и нож для ремонта. Моя дверь была закрыта, поэтому они пошли к Бомбею и попросили его сделать ремонт. Кроме того, они сказали, что король хочет знать, поеду ли я с ним утром

на охоту.

Ответ был таков:

«Нет, сегодня бвана молится о том, чтобы грехи Мутесы могли быть прощены. Король нанес ему душевную травму, посылая наших солдат на задание без разрешения белого человека. Бвана хочет знать, было ли это сделано по приказу короля».

Пажи ответили:

«Ничего нельзя сделать без приказа короля».

После дальнейшего обсуждения Бомбей намекнул, что я хотел бы, чтобы король послал мне группу из пяти старейшин, с которыми можно было посоветоваться и установить все мои права и обязанности во время пребывания в резиденции Мутесы, иначе я больше не пойду во «дворец». Но мальчишки сказали, что при «дворе» сейчас не было пожилых придворных, а только такие молодые, как они сами. Бомбей теперь сам хотел пойти с ними к королю, чтобы объяснить Мутесе ситуацию и отдать ему все красные одежды моих людей, которые я отобрал у них потому, что они оскверняли эту униформу, грабя женщин и детей. Но пажи объяснили, что король был сейчас недоступен для них, занимаясь отстрелом коров в присутствии своих женщин. Бомбей пожелал, чтобы мальчишки несли королю красные одежды, но они отказались, заявив, что это противоречит правилам «дворца», им не положено прикасаться к какой-либо ткани белого человека.

ГЛАВА XII. Уганда, дворец. Продолжение

7-е марта. Фарс продолжался, и то, как управлять этими надменными капризными чернокожими, сильно озадачило меня. Но я чувствовал, что, если сейчас уступлю, уже ничто не заставит их сохранять уважение ко мне. Я послал Насиба (проводника, которого мне в свое время дал Фанди Сангоро) к королеве, чтобы объяснить, почему я не навещал ее. Но я также хотел в дальнейшем оградить себя от любого оскорбления, подобного тому, когда я послал к ней Бомбея с лекарством. Отправив Насиба, я пошел во «дворец». В прихожей я обнаружил, как обычно, нескольких вакунгу, которые бездельничали, лежа на земле, курили, болтали и пили помбе, а васоги развлекали их пением и игрой на «арфах».

Эти вакунгу терпеливы и хорошо обучены выполнению своих обязанностей; но их придворная жизнь зависит от того, насколько они способны угодить повелителю. Если они потерпят неудачу, их имущество будет конфисковано, а их жизни закончатся казнью, если они не смогут сбежать.

Я нашел посланника, который согласился рассказать королю о моем желании увидеть его. Негр вернулся, чтобы сказать, что король спал – явная ложь. В гневе я вернулся домой завтракать, отправив Маулу и Уледи к королю за объяснени-

ями. Они были приняты Мутесой, который просто спросил:
«Где бвана?»»

И когда они сказали, что я приходил, но снова ушел, король заявил:

«Это ложь, потому что, если бы он пришел ко мне, он бы не вернулся».

Мутеса в арабском халате (рисунок XIX века)

Затем Мутеса встал и ушел, отправив посланников за мной.

Я продолжал размышлять об этих абсурдных ситуациях, когда прибежала группа пажей, чтобы попросить бусы – це-

лый мешок, потому что король хотел отправиться со своими женщинами в паломничество к озеру Виктория. Думая, что мне очень повезло, что я так дешево купил возможность попутно с бусами отправить королю сообщение через Маулу, я велел передать следующее:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.